

*Их в этом слове две,
одна – его, другая – её,
а между знак
полушёпота – бемоль.*

УДК 882-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П 58

Об этой книге

Проза Александра Попова узнаваема, своеобразна и – заразительна, как узнаваем обычно профиль поэта, как заразительны его речи. Впрочем, это даже не проза, скорее это – говорение, это особенный, неповторимый голос.

И о чем бы ни говорил Попов, связный ли сюжет перед нами, отрывистый ли диалог из вопросов и... вопросов (излюбленный авторский прием, уводящий к сути его восприятия мира) или «лирические бормотанья», тексты его это всегда – прикосновение к Жизни. А жизнь, по Попову, это не размеренность, не устойчивость и не привычка. Жизнь – это движение к эпицентру урагана, это ожог, это боль, и это благодарность за боль – одновременно. Ибо жить – больно, жить – мучительно, и жить – чудесно. Как и любить.

В сущности, Жизнь и Любовь для Александра Попова – синонимы. Об этом и его очередная книга.

Попов А.Е.

П 58 Восьмая нота: Рассказы. – Челябинск: Издательство Игоря Розина, 2013. – 264 с.

В книгу избранной прозы Александра Попова вошли как недавно написанные, так и уже публиковавшиеся прежде рассказы и миниатюры.

УДК 882-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

978-5-903966-25-7

© Текст – А.Е. Попов, 2013

© Издательство Игоря Розина, составление, оформление, 2013

Илад

Илад

Я не танцую. Танец – тупик. Смотрю, как люди загоняют себя туда. Пью по кругу. Пью, чтобы пить, – круг позволяет избегать лица. Лицо танца на спине, об этом мало кто догадывается. Пью один, делиться не мой удел. Настроение подмочил утром, лицезрея местную сумасшедшую под кофе с коньяком. Коньяк в Каталонии хуже кофе. Она собрала на себя все пуговицы Испании, причем умудрилась ни на одну из них не застегнуться. Лохмы волос, нижнего белья, воздушные шарики, привязанные к пуговицам на спине, сумки на плечах, полные снеди, и руки, жадные до общения. Я испугался, прикрыл глаза, общение по утрам обкрадывает и день, и вечер; и ночь из-за него может не состояться. Кроме голубей, собеседников ей не перепало.

– Зря не смотрите, она последняя достопримечательность местечка.

Говорящие бармены хуже попугаев.

– Мне нет до нее никакого дела, я не голубь.

– Сюда все приезжают за одним.
– А она причем?
– Она его последняя натурщица, он взял ее в шестнадцать ослепительно красивой.

– Вы хотите сказать: и отнял всё, оставив в наследие только свое безумие?

– Я ничего не хочу сказать, вам повторить?

– Кофе? Да.

Зачем ей столько пуговиц, если она ни одну из них не использует по делу? От кого она мечтала застегнуться и передумала? – вот что мучило меня до самого вечера. А вечером я отправился смотреть танцы со спины и пить абсент. Скорее всего, я бы удачно напился, если бы не одна спина. Так не танцуют, так даже не поют, это был какой-то пир красок, которые слетелись на эту спину и лепили невероятные узоры. Меня неудержимо тянуло туда, к этой спине, хотелось ее потрогать. Я не успел еще и коснуться, как вдруг понял, что умею танцевать. Не просто танцевать, а лучше всех в этом зале. Я думал – это какой-то сон, а когда открыл глаза, узнал в своей партнерше утреннюю сумасшедшую, но было уже слишком поздно. Из танца, как из жизни, не выйти. Когда устала музыка, она пригласила меня к себе, и я не смог отказать ей в этом. Ее квартира была полна восковых свечей и эскизов. Молчание начинало смущать даже свечи, казалось, вот-вот и они начнут гаснуть одна за другой.

– Как вас зовут?

– Илад.

– Я впервые слышу такое имя. Кто вам дал его?

– Он.

Илад

Мне захотелось порвать все эскизы и вернуть ей утраченную красоту и молодость. Я только не знал, с какого начать. И тут раздался стук в дверь.

– Вы кого-то ждете?

– Его.

– А я зачем?

– Вы при нем подарите одну из своих пуговиц и уйдете.

НЕЗАБУДКА

У нас, у ночных сторожей, история одна: вечер ладом проводить, да утро с умом встретить. Наш брат воробей стреляный. Вот, говорят, ночь ничья. Наша она, кормилица. И дум сколько передумаешь. И душ пересчитаешь. По первой-то ой как непривычно было в ночь одному выходить. Вечер теней набросает – одна другой страшнее.

Придешь пораньше, обойдешь с вахтером хозяйство, на пломбы полюбишься – и так вдруг чаю захочется. Вроде дома пил, а тут он особенный: позднего вечера чай, что подарок нечаянный. Неторопливо пьешь, и радуешься изнутри.

Всю жизнь по одному мосту ходил на свой завод слесарить. Сейчас вот кажется: не детали в тиски зажимал – себя туда закручивал. Так всю жизнь в тисках и провел.

Аванс – получка, получка – аванс, в отпуск сходил, и года как не было. По праздникам водку пили, сырком плавленым губы сдабривали. Домой приедешь – жена ругается, в цеху мастер глотку рвет. Самому-то редко орать доводилось, в домино разве, и то одно слово: «Рыба!»

Из армии голодным приехал – первую попавшую девку и забрюхатил. А там пошло-поехало, все дальше от света белого. Руки от металла чернели, душа от будней. По первой к книжкам тянулся, газет не читал – там сам черт ноги сломит.

В сторожах живет вольно: всю ночь сам себе начальник, аж дух захватывает. После чая и сигарету хорошо размять, вроде как подружку верную, и затянуться до головокружения.

Собрали нас, стриженных, на призывном пункте, мариновали весь день почем зря. Под вечер отпустили, велели поутру на вокзал с вещичками явиться. Ох, как бросился я! Девчонка у меня осталась в заводском общежитии, зацелованная, по мне плакала, когда провожала. Больше таких вот слез по себе видеть не довелось. На площади незабудки продавали, синие-синие, до рези в глазах, и незащищенные, ниточкой только тонкой перебинтованные.

На трамвай сел и, как в детстве на качелях, помогал ему разогнаться, раскачиваясь из стороны в сторону. Боже мой, пока добрался, весь изошел. Вдруг, думаю, не застану, ушла куда или еще что. Незабудки всю дорогу вместе со мной дрожали, головы свои поотвертели, по сторонам оглядываясь. Вахтерша меня узнала, без слов пропустила. До комнаты ее по коридору летел. Сроду со мной такого не случалось. Смотрю: лежит – одна-одинешенька, калачиком свернулась, халатиком прикрылась и плачет. Встал перед ней на колени и, пока всю не перецеловал, не разогнулся. Глаза-то не видели. Губами все запоминал, а наглядеться не смог. Впервые ее тогда на вкус и распробовал. А тут и соседки нарисовались. Она скоренько переделалась, и пошли мы с ней нашу последнюю ноченьку догуливать. Набрели на лавчонку полуободранную в детском

садике и так зацеловались, аж звезды погасли. От жажды захотелось воды, я давил на рычаг – она набирала в ладони и поила меня из них. С тех пор чего только пить не доводилось, а вкуснее ее ладоней не встречал.

Как до дверей общежития довел, вспомнил про незабудки в кармане. Достал, к груди ее прижал, полузадушенные, но все еще такие же синие, до рези в глазах. Господи, как же она плакала над ними. Больше цветов никому не дарил. Этих незабудок мне на всю жизнь хватило. В армии два года снилось, как еду к ней на трамвае с незабудками в кармане. Не доехал, номер того трамвая упразднили, помешал он кому-то.

Разомну еще сигаретку, прикурю, она со мной заодно. Кому, как не ей, тайны ночные доверить. Светится и молчит. Может, огонек ее моя незабудка заметит, вспомнит ту нашу ноченьку. Больше-то у меня в жизни ничего не было.

Светает... Пора пломбами любоваться, да и ноги поразмять не мешает. Эту ночь спать буду. Может, мне те незабудки приснятся. Есть такое место в моем окне, там всегда падает снег из незабудок. Есть такое место... Оно есть, вот и живу.

БАБА ОБЫКНОВЕННАЯ

Переполох. Министр едет. Начальство на ушах стоит. Каждый божий день натаскивают. Стращают, молчать учат, улыбаться шире экватора. Про вопросы забыть велют, думать – не нашего ума дело.

Я хоть и директор, но баба, любопытно на живого министра поглазеть. Может, застолье организуют. Выпьем, закусим, говорить нельзя – так попоем всласть. Настиралась, погладилась, завивку подновила и поехала из тьмы тараканьей в район. Он у нас огромный: от школы до школы – как от страны до страны по меркам европейским.

Завроно оглядел каждую, обшарил со всех краев, ладно за пазуху не слазил. Заняли места в зале, замерли и ждем, как дети малые Деда Мороза ждут не дождутся.

И он явился, высокий, нарядный, духами за версту несет. Взошел на трибуну, и посыпал цифрами, а какая к чему – сам черт не разберет. Душно стало, вроде как цифири эти весь кислород в зале пожрали. Я одно успела уразуметь, что учитель информатики в целях оптимизации учебного процесса на пять школ в единственном числе выдаваться будет. На нас

уже столько дури спустили за бгтность мою на посту окаянном, что не сдержалась, руки ко Господу возвела. А министр Бога опередил, пальцем в меня уперся, разрешил высказаться, раз такая смелая оказалась.

– Скажите, добрый человек, – забыла от волнения, как по имени отчеству кличут, – кто его, бедолагу, и на чем по нашим просторам по школам возить станет?

Министр от слов моих в росте поубавился, головой завертел. А меня понесло, захотелось правды дуре, как воздуха.

– А за бензин вы платить будете или нас машину толкать обязуете?

Спал министр с лица, поискал ртом слов, не нашел, решил у воды в графине совета спросить, да поперхнулся. Стали его местные начальники по спине колотить. Колотили, колотили, да так всей гурьбой со сцены и удалились. Тишиной коллег моих так полоснуло, что вмиг отодвинулись, глазами за пол уцепились и не дышат. А я, как знакомая вам вещь в проруби: одна одинешенька – и ко дну боязно, и на берег не возьмут. Толком поплавать не успела, ворвался завроно краснее рака и давай клешнями махать. Покрыл таким отборным матом за вопросы к министру, что мухи в зале враз подошли. Меня мужик мой по пьяни так не обкладывал. А если жуть эту на обычный язык перевести, она еще покруче выглядеть будет.

– Заявление на стол, дура, и в двадцать четыре часа чтобы духу твоего в районе вместе с выродками не было.

Так он моих детишек – отличников по дисциплине и учебе – обозначил. Заслуженный работник образования – ему всё можно. Как сдержалась, не взорвалась как, до сих пор не пойму. Видно, Бог помог. Мне деток своих еще кормить и

кормить, мать неходячую обихаживать. Помощи ждать не от кого – мужик мой давно от водки сгорел.

Порылась в мозгах, по русской литературе пробежалась, и осенило, как вести себя в безнадеге полной. Встала, как на последний бой, и выдала такое, что всему району год жевать – не пережевать, сутками судачить, а секундочки понять всё равно не хватит.

– Милые мои, люди рóдные, вы меня как облупленную знаете, баба я обыкновенная, который год без мужика маюсь, встаю без тепла и ложусь без него. А он, девки, красавец, весь с иголки, костюмчик у него беленький без единого пятнышка. Умный, цифрами как цветами весна по полям гуляет. Потянуло меня, заблудилась в лепестках его слов. Думаю, все здесь свои, не стану скрывать: влюбилась в него по уши. А он на меня и разика единого не взглянул, вот и полезла с тем, что в голову взбрело. Разве знала, понимала, что вопросы мои ни к селу, ни к городу. Не судите вы меня за любовь. Я за министра голову оторву!

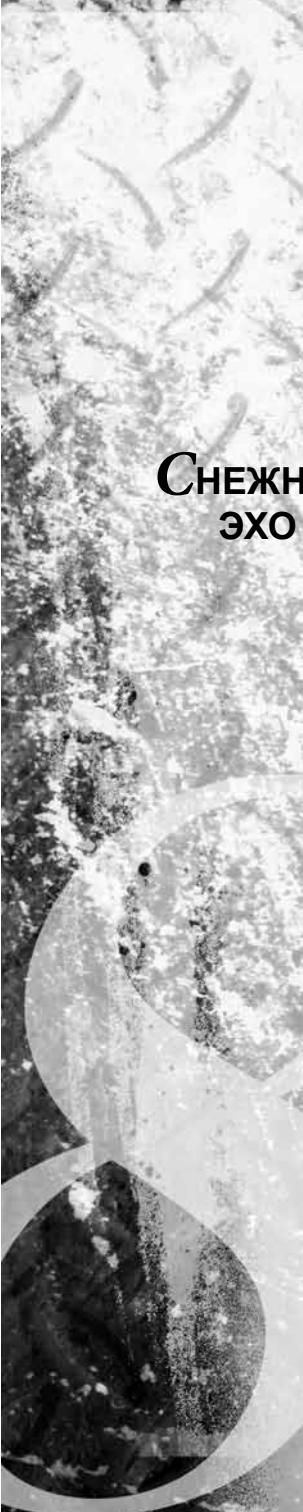
Вижу, слова в завроно маслом вошли. И решилась: грешить так грешить.

– Передайте: если надо, ему и ноги стану мыть, и воду после этого пить да нахваливать.

Выбежал завроно после этих слов из зала. Смотрю, проруби как не бывало. Руки жмут, по плечам кто гладит, кто хлопает. Минут через пяток начальство вместе с министром опять на сцену выползло. Завроно цветущий вновь слово взял:

– Живи, дура, работай и благодари, что министр наш – человек: он не только наказать, но и наградить может.

Живу, и знаю, и верю: и в Бога, и в любовь, и в людей, которым она ведома.

СНЕЖНОЕ
ЭХО

ВОСЬМАЯ НОТА

**КРАСНАЯ
НИТКА**

Однажды, в одной никудышной стране, в которой ничего хорошего не происходило, случилось невероятное. Обыкновенный мужик смотрел телевизор и от уныния чуть было не заснул. Встрепенула череда умных, деловых, государственных лиц.

«Неужели они все вместе при таких галстуках и костюмах не могут сотворить что-то полезное хотя бы для одного человека? Допустим, случайно выбор пал на меня». Тут сон как рукой сняло, он бодро встал, отправился на кухню курить, пить чай и думать.

«Нет, машина не нужна, и квартира габаритная со всеми удобствами, и жена новая ни к чему. Людьми властвовать лень, зарплата, как и латка на штанах, привычна и удобна. Детства, как воздуха хочется детства. Интересно, если бы вся страна возжелала этого? Неужели ничего бы не сдвинулось с места?»

Страна страдала, искала идею. От безделья, равнодушия люди потребляли водку и всякие ее заменители в неумных

количествах. Идея в политике – как клей в быту: нет клея под рукой, вот все и рушится.

Ясновидящие – они в любом государстве имеются. Вот одна баба поймала мысль мужика, переварила, донесла до правительства, а те президенту подсказали. Тот чесал, чесал затылок – и решился.

«Ах, была не была, надо сделать. Хоть один человек добром да помянет мой президентский срок».

Перед тем как командой к мужику на родину нагряться, решили посоветоваться. Жил в стране старец один-единственный, вот ему и позвонили. Выслушали, ушам не поверили, подумали, совсем из ума выжил, буровит черт-те что.

Мужику отловили в супермаркете, он там селедку брал под пиво. Испугали не на шутку: он селедку за пазуху заныкал, а пиво на глазах изумленной публики на пол все и вылил.

- Говори, что для детства требуется.
- Песочницу в моем дворе восстановить.
- Пусяк, еще проси.
- Лужи верните, те, без бензиновых пятен.
- Сделаем. Ты давай, думай крепче, исполним в лучшем виде.
- Гудок заводской, народ прежний, чуть подвыпивший, а лица добром светятся: каждого встречного ребенка по голове гладят, конфетку в карман суют.
- Выполнимо, нагоним киношников, вмиг сварганят. Ты для себя проси.
- Девчонку мою из общаги сможете отыскать?
- Фотографию давай.
- Не обманете?

– Дурак, тебе президент слово дал, всю страну на уши поставил. Валяй дальше, чего хочешь.

– Сделайте снег оттуда, пушистый-пушистый, как ее ресницы, и пусть на ней будет красное пальто с воротником из зайца, полшалока на голове, вязаные варежки, да еще и валенки, валенки не забудьте.

– Ну, ты мужик и малохольный. Перекури пока.

Включили магнитофонную запись разговора президента со старцем:

– Скажи, дед, детство сколько длится?

– Пока хочется необычного, значит, еще детство.

– Существуют ли другие признаки?

– Ощущение дома как божья данность.

Старца хоть и не привечали, но на слово верили. К народу, правда, не допускали, сами пользовались.

– Кончай дымить, иди сюда.

– Пусть меня в армию не загребнут.

– Минутку, созвонимся с министром обороны.

«Так, так, понятно, слушаюсь».

– Оставляют тебя при заводе, как незаменимый кадр, можешь вкалывать сколько душе угодно.

– Помогите с ней в один цех определиться, чтобы могли в столовке почаще на глаза друг другу попадаться.

– Можно.

– Дружка моего тогда за хулиганку замели, амнистию замылили. Выпустите, он полсрока отсидел.

– погоди, прокурору брякнем. Повезло, прокурор дает добро на амнистию. Мелкий ты человечиска все же, проси покруче.

– Мне бы след от ее валенок в руках подержать, а больше ничего и не требуется. Понимаю, шутите. Вон телевизионщиков сколько понагнали.

– Дурак ты, мужик, совсем дурак. На вот, пару стаканов шибани, икоркой красной занюхай, черной закуси и вались на боковую, а как проснешься, так все тебе и будет. И бабы в валенках, и друг после отсидки.

Уснул мужик счастливым-счастливым, да так и не проснулся, паленой оказалась водка та. А вот со страной что-то произошло. Песочниц во дворах понастроили. Детишек не обижают, пацанов за мелочи в тюрьги не тянут. Короче, все хоть на миг, а попали в детство. Страна заулыбалась, смысл обозначился.

А следы ее валенок у его могилы появились, и снегом их не заносит, и люди не затапывают. Кружат они и кружат, и нитку красную от пальто от одного следа до другого ветер на руках носит. В цеховой столовке у мойщицы посуды из рук два стакана выпали и разбились. Она осколки бережно собрала, сложила в вязаные варежки, попросилась подменить и ушла под пушистый-пушистый снег, чем-то похожий на ее ресницы в детстве.

– Ну что, скоро она?

А она влетела с жару, с пылу, чертыхаясь, что-то спешно рассовывая по карманам, сумкам.

Вот что со мной та кукушка понаделала. С того поселка уехала: солнце не моя стихия. Да, а те девчонки меня тогда так при свечах достали, какая да какая она эта любовь? Вот я им возьми и скажи в сердцах:

– Неряшливая она слишком – эта ваша любовь, девочки.

Что тут началось: они так ругались на меня, столько плохих слов о годах моих наговорили. Вот с тех пор стариться и начала.

А тут еще эта кукушка в декабре. К чему бы это? И так сладко заревелось теми слезами. Нашли время, когда оттаять. И как только заплакалось, она вернулась и опять за свое взялась: ку-ку да ку-ку. Полную ладонь накуковала, что грибов в лукошко кинула. Вот что́ делать мне с этими двумя нотами? С одной вроде худо-бедно справлялась, а две – это почти песня.

**Чудо
ЗЕМНОЕ**

Дом остался в детстве. Жилье – по-жалуйста. Живу диетически, по-идиотски, короче, живу. Жена есть, служба тоже. Книгу жалоб и предложений не заводил. На заводе другие законы. Заклинит – пьем, потом по полкам: кто на нары, кому в кровать, а кому обходной в зубы и повод продолжить. Жуликов с перебором, одни начальство облизывают, другие к Богу поближе жмутся, а те, кто никуда не годится, пашут, когда не пьют. Путного ни на грош, ладно бы на страну горбатились, а на хозяина спину гнуть охоты мало. Спецовку с рукавичками кинет, а себя, как ценность какую-то, обхаживает. Жулье, одним словом, и слева, и справа. Да вот, кроме заводской проходной, ни в одни ворота не пускают. Там пропуска из других бумаг ладят, для наших ладоней шершавости недостает. Огороды прежняя власть угробила, скотину успешно сократили строители коммунизма. Мы попристойнее смотримся, мычим потише.

И чего это я разошелся? С похмелья, одним словом, а колбашкам полный каюк вышел, ку-ку, короче. Баба моя от-

бrehалась, по соседкам сердоболить намылилась. Спать не могу, спину менты отбили, думали, копилка, дубасили, пока из ребер песок не посыпался. Я не в обиде, у каждого свои обязанности. Пива бы полторашку, нутро отмыть, мигом бы похорошело. Вон по ящику сколько его показывают, как Пушкина в прежние времена. В книгах ковыряться не привык, все больше вилок в закусках, заплатил и хавай. Хоть паспорт продавай, больше-то за душой ни шиша. За него и красненького нальют, и морду по столу раскидают. Не в радость такое-то веселье. Руки бы на себя наложить, да откуда у бабы деньги на погребение, и начальник цеха от похорон опух. Скорее бы отходняк начинался, ночь-то вся еще впереди. Вертеться что с Востока на Запад, что с Запада на Восток – один хрен, не помогает.

Час от часу и часам не легче. Стрелки начисто стирают циферблат и лезут на стенку. В старых-то домах все стены пропитаны временем. Ветхость их не от ветра, время с удовольствием поедает и камни, и дерево. Древность-то держится на одном честном слове живущих, не более. Пространство – сторонний наблюдатель за этим делом. Такого вора, как время, вовек не сыскать. Вон сколько прожито, а кроме дум тягучих, которые что бабий напиток – ликер, ничего не нажил. Жизнь ко мне все больше боком поворачивалась. Партийцы к себе на пушечный выстрел не допускали. А эти, новые, так огородились, что покруче иностранцев рылом выглядят.

Еще не старик, а ступать некуда. Когда оступился, Бог его знает? Может, таким, как я, ничего не положено? Жаль, конечно, зато объявления типа «Сниму жир за сутки» не про нас писаны. Жир – жидкость вредная.

Что касается ума, он и до нас дурнее не был. Еще неизвестно, повезло ему с нами или нет. Слава Богу, сон у людей в наличии, а так бы давно Землю-матушку замордовали, замурыжили в пух и прах.

Так вот до заката и прокантовался у окна в обнимку с похмельным синдромом. А он такой выкатился – залюбуешься, одним словом. Вот скажите, разве чудеса целуют? Им цена выше поцелуя. Да вот беда, смотреть долго на свет нестерпимо, и не смотреть не могу. За что счастье такое привалило? Аж воздуха не хватает, ну никак не отдышусь. До губ горизонта не добраться, а другого добра и даром не надо. Не принижаться бы, жить в свой рост, вес не так важен. Земля все равно от себя никого не отпустит. Давление? Оно сверх нормы. Пульс зашкаливает. Главное – до земли доставать, пока дотягиваешься до нее – живешь, по крайней мере, в рост человеческий. Чай заварю, завидная она штука, эта жизнь, жадная, даже таких, как я, при себе держит. Жаль, до горизонта дотянуться не могу, а то, ей Богу, расцеловал бы это чудо земное.

Илад.....	5	Даша.....	139
Незабудка.....	9	Марина.....	143
Баба обыкновенная.....	13	Александр.....	145
Снежное эхо.....	17	Тополиная фата.....	149
Голос ног.....	21	Соло с собой.....	153
Красная нитка.....	25	Взрослая сказка.....	157
Гном.....	31	Рыжинка.....	161
Суп из аистов.....	35	Несогласное эхо.....	165
Сентябрь земляники.....	41	Дождь и Юля.....	169
Дождь на коленях.....	47	Разные глаза.....	175
Горькая земляника.....	55	Розовые валенки.....	181
Семнадцать минут.....	61	Ева.....	187
Резиновая женщина.....	65	Пушкин, бабушка и подушки.....	193
Райские яблоки.....	71	Замужество за ужином.....	199
Килька в томате.....	77	На вдохе.....	203
Оба овна.....	81	Март на скотном дворе.....	207
Раннее.....	85	Кокетливый фантик.....	213
Слепая лошадь.....	91	Вступительный экзамен.....	217
Ореп.....	97	Бабло.....	223
Рыжая.....	103	Моя Аэлита.....	229
Мой мозамбик.....	107	Девушка из декабря.....	233
Наш Вася.....	111	Жемчуг.....	237
Татьяна.....	117	С тебя подснежник, дурачок.....	243
Овен.....	121	Тополиная грамота.....	249
Дурак.....	123	Кукушка под одеялом.....	253
иРа.....	129	Чудо земное.....	259
Ностердамус.....	133		

Изготовление книг, подарочных альбомов,
презентационных буклетов
и другой полиграфической продукции.
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГОРЯ РОЗИНА
Тел.: (351) 266 80 70, 8 904 812 18 07

Литературно-художественное издание

Попов Александр Евгеньевич

ВОСЬМАЯ НОТА

Ответственный редактор Андрей Яншин
Оформление – Мария Долек
Корректор Анна Ясенева

Подписано в печать 25.12.2012 Формат 60x84/16
Гарнитура Minion Pro Печать офсетная
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство Игоря Розина
Тел.: +7 904 812 18 07, (351) 266 80 70
E-mail: isrozin@yandex.ru
Сайт: ZENON74.ru

Отпечатано в ООО ПК «Зауралье».
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.
e-mail: zpress@zaural.ru